ISSN 2226-2059; e-ISSN 2541-8548

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ

Том 16 № 1 (57) • 2026

Международный Суд ООН: третье Консультативное заключение по палестинскому вопросу

Климатическое правосудие: три шага к системной интеграции

Концепция мгновенного обычая: возврат к истокам

Обязательства *erga omnes*: в поисках объективных критериев

Наказание есть неотъемлемое право преступника

ЕСПЧ и право на надежду: переосмысление пожизненных приговоров

Правовая природа налогообложения иностранных инвестиций

ISSN 2226-2059; e-ISSN 2541-8548

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ

Том 16 №1 (57) • 2026

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель
О. Б. Сидорович

Издатель
ООО «Центр конституционных исследований»

Редакционный совет
А. И. КОВЛЕР, председатель (Институт законодательства и сравнительного правоведения)
Б. БАУРИНГ (Лондонский университет, Великобритания)
Л. ГАРЛИЦКИЙ (Варшавский университет, Польша)
А. Я. КАПУСТИН (Институт законодательства и сравнительного правоведения)
Т. Н. НЕШАТАЕВА (Российский государственный университет правосудия)
А. НУССБЕРГЕР (Кёльнский университет, Германия)
С. М. ПУНЖИН (Международный Суд ООН, Нидерланды)
В. Л.ТОЛСТЫХ (Институт востоковедения РАН)
М. Л. ЭНТИН (МГИМО МИД России)

Редакционная коллегия
А. П. ЕВСЕЕВ (Российский государственный университет правосудия)
Д. В. КРАСИКОВ (Саратовская государственная юридическая академия)
И. М. ЛИФШИЦ (Всероссийская академия внешней торговли)
М. А. ЛИХАЧЁВ (Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева)
А. А. ЛУНЁВ (Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева)
С. Д. ПИМЕНОВА (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)
И. В. РАЧКОВ (НИУ «Высшая школа экономики»)
А. К. СОБОЛЕВА (НИУ «Высшая школа экономики»)
А. М. СОЛНЦЕВ (Российский университет дружбы народов)
Е. В. СЫЧЕНКО (Санкт-Петербургский государственный университет)
М. П. ТРУНК-ФЁДОРОВА (Санкт-Петербургский государственный университет)
М. А. ФИЛАТОВА (НИУ «Высшая школа экономики»)
К.Д. ШЕСТАКОВА (Санкт-Петербургский государственный университет)
К. В. ЭНТИН (Суд Евразийского экономического союза, Беларусь)

Главные редакторы
Д. В. КРАСИКОВ (Саратовская государственная юридическая академия)
И. В. РАЧКОВ (НИУ «Высшая школа экономики»)

Выпускающий редактор
О. Б. СИДОРОВИЧ (ООО «Центр конституционных исследований»)

Редактор
Д. А. МАМАЕВ

Журнал издаётся при финансовой поддержке ЭДАС АДВОКАТСКОЕ БЮРО

Решением ВАК журнал включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук».

Журнал входит в базу журналов Russian Science Citation Index на платформе Web of Science, а также в базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich'sPeriodicalsDirectory.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-82341 от 23 ноября 2021 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Тираж 300 экз. Периодичность – 4 номера в год. Цена свободная.

Дата выхода в свет: 31 марта 2026 года.

Адрес редакции: 129090 Москва, ул. Щепкина, д. 8.

Тел.: +7 (495) 608-69-59. Эл. почта: info@mp-journal.ru

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
117393, г. Москва, вн.тер.г. муниципальный округ Обручевский, ул. Профсоюзная, д. 56, этаж 3, помещение XIX, ком. 321.
Тел.: +7 (495) 926-63-96; www.bukivedi.com; info@bukivedi.com

Позиции авторов статей могут не совпадать с мнением редакции.
При цитировании материалов ссылка на журнал и правообладателя обязательна.
Перепечатка разрешена только с письменного согласия правообладателя.

© ООО «Центр конституционных исследований», 2026

PRAXIS

RES JUDICATA

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД ООН И ПАЛЕСТИНСКИЙ ВОПРОС: ОБЗОР КОНСУЛЬТАТИВНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ 2025 ГОДА **3**
Максим Лихачев

ТРИ КОНСУЛЬТАТИВНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО КЛИМАТУ: СИСТЕМНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ СИСТЕМНЫХ ИНТЕГРАЦИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВОСУДИИ **22**
Надежда Липкина

SCRIPTORIUM

JUSTITIA

МИФЫ МГНОВЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЫЧАЯ (*INSTANT CUSTOM*) **44**
Алексей Исполинов

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА *ERGA OMNES* В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ **64**
Альфредо Кросато Нойманн

JUS CRIMINALE

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНДИВИДОВ ОБЩИМИ ПРИНЦИПАМИ ПРАВА? **86**
ЧАСТЬ 3: ПРИНЦИП *NULLUM POENA SINE LEGE* («НЕТ НАКАЗАНИЯ БЕЗ ЗАКОНА»)
Борис Нефедов

JUS HOMINUM

МЕЖДУ ИСКУПЛЕНИЕМ И ГУМАННОСТЬЮ: ПРАВО НА НАДЕЖДУ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА **100**
Тигран Оганесян

LEX MERCATORIA

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА НАЛОГОВЫХ МЕР В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ АРБИТРАЖЕЙ **122**
Максим Ючковский

PERSONALIA

LIBER AMICORUM

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КООРДИНАТАХ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ (АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ) **141**
Павел Блохин

ISSN 2226-2059; e-ISSN 2541-8548

INTERNATIONAL JUSTICE

Volume 16 1 (57) • 2026

Founder
O. Sidorovich

Publisher
Center for Constitutional Studies Ltd.

Scientific Advisory Board
A. KOVLER, Chairman (Institute of Legislation and Comparative Law)
B. BOWRING (Birkbeck College of the University of London, UK)
M. ENTIN (MGIMO University)
L. GARLICKI (University of Warsaw, Poland)
A. KAPUSTIN (Institute of Legislation and Comparative Law)
T. NESHATAEVA (Russian State University of Justice)
A. NUSSBERGER (University of Cologne, Germany)
S. PUNZHIN (International Court of Justice, Netherlands)
V. TOLSTYKH (Institute of Oriental Studies, RAS)

Board of Editors
K. ENTIN (Court of the Eurasian Economic Union, Belarus)
A. EVSEEV (Russian State University of Justice)
M. FILATOVA (Higher School of Economics)
D. KRASIKOV (Saratov State Law Academy)
I. LIFSHITS (Russian Foreign Trade Academy)
M. LIKHACHEV (Ural State Law University named after V. F. Yakovlev)
A. LUNEV (Ural State Law University named after V. F. Yakovlev)
S. PIMENOVA (Lomonosov Moscow State University)
I. RACHKOV (Higher School of Economics)
K. SHESTAKOVA (Saint Petersburg State University)
A. SOBOLEVA (Higher School of Economics)
A. SOLNTSEV (RUDN University или People's Friendship University of Russia)
E. SYCHENKO (Saint Petersburg State University)
M. TRUNK-FEDOROVA (Saint Petersburg State University)

Editors in Chief
D. KRASIKOV (Saratov State Law Academy)
I. RACHKOV (Higher School of Economics)

Managing Editor
O. SIDOROVICH (Center for Constitutional Studies Ltd.)

Copy Editor
D. MAMAEV

Published under the sponsorship of the

ЭДАС
АДВОКАТСКОЕ БЮРО

ISSN 2226-2059; e-ISSN 2541-8548
Address: 8, Shchepkin Str., Moscow, 129090, Russian Federation
Mailing Address: 8, Shchepkin Str., Moscow, 129090, Russian Federation
Phone: +7 (495) 608-69-59
E-mail: info@mp-journal.ru
https://mp-journal.ru

© Center for Constitutional Studies Ltd., 2026

PRAXIS

RES JUDICATA

THE INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE AND THE PALESTINIAN QUESTION: A REVIEW OF THE 2025 ADVISORY OPINION **3**
Maksim Likhachev

THREE CLIMATE ADVISORY OPINIONS: SYSTEMIC INTEGRATION OF SYSTEMIC INTEGRATIONS IN INTERNATIONAL JUSTICE **22**
Nadezhda Lipkina

SCRIPTORIUM

JUSTITIA

MYTHS OF INSTANT INTERNATIONAL CUSTOM **44**
Alexey Ispolinov

OBLIGATIONS *ERGA OMNES* IN INTERNATIONAL LAW **64**
Alfredo Crosato Neumann

JUS CRIMINALE

ARE THE FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF CRIMINAL RESPONSIBILITY OF INDIVIDUALS GENERAL PRINCIPLES OF LAW? **86**
PART 3: THE PRINCIPLE OF *NULLUM POENA SINE LEGE* ("NO PUNISHMENT WITHOUT LAW")
Boris Nefedov

JUS HOMINUM

BETWEEN ATONEMENT AND HUMANITY: THE RIGHT TO HOPE IN THE CASE LAW OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS **100**
Tigran Oganesian

LEX MERCATORIA

THE LEGAL NATURE OF TAX MEASURES IN INVESTOR-STATE ARBITRATION **122**
Maksim Yuchkovskiy

PERSONALIA

LIBER AMICORUM

INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS LAW IN THE CONTEXT OF CONSTITUTIONAL ADJUDICATION (UPDATING THE ISSUES) **141**
Pavel Blokhin

SCRIPTORIUM
JUSTITIA

Мифы мгновенного международного обычая (*instant custom*)

Алексей Исполинов*

В опубликованной в 1965 году статье британский юрист Бин Чень впервые предложил концепцию мгновенного обычая (*instant custom*), в основе которой лежало представление об *opinio juris* государств как о единственном и достаточном для идентификации международного обычая элементе. В статье отмечалось, что необходимое для создания международного обычая *opinio juris* можно получить принятием государствами буквально одной резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, а наличие соответствующей практики государств будет рассматриваться в этом случае как вспомогательный фактор для установления *opinio juris*. Несмотря на прошедшее с момента публикации время, изложенные в статье тезисы сохраняют свою актуальность и полемичность. Однако, поскольку статья была опубликована в малоизвестном журнале, последующее представление о концепции мгновенного обычая во многом формировалось у академического сообщества и практиков косвенным образом (с опорой на пересказ основных её положений другими авторами), что приводило к искажению исходных тезисов Б. Ченя и к их переформулированию в соответствии со взглядами и предпочтениями других исследователей. При этом наиболее часто встречающимся вариантом такого искажённого прочтения концепции мгновенного обычая, предложенной Б. Ченем, является представление о допустимости «мгновенной» практики, когда очень короткий период практики (или даже единичное действие государств) считается достаточным для формирования обычной нормы. Распространённость этой точки зрения в итоге вынудила Комиссию международного права заключить, что такого явления, как моментальный обычай, не существует. Тем не менее идеи Б. Ченя о том, что резолюции Генеральной Ассамблеи могут как представлять собой выражение *opinio juris* государств, так и показывать существование и содержание соответствующего международного обычая, оказались неожиданно привлекательными для Международного Суда ООН, который в решении по делу Никарагуа против США признал, что наличие и содержание норм международного обычного права можно вывести, опираясь в том числе на резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Попытка примирить конфликтующие позиции по этому поводу была предпринята КМП в «Выводах о выявлении международного обычного права» 2018 года, которая отметила, что такие резолюции сами по себе не порождают мгновенно возникающего обычая.

DOI: 10.21128/2226-2059-2026-1-44-63

🗝 *Мгновенный обычай; Бин Чень; Комиссия международного права; Международный Суд ООН; opinio juris*

1. Введение

На фоне многочисленных памятных международно-правовых дат 2025 года незамеченным прошло 60-летие со дня выхода в свет статьи британского юриста-международника

* *Исполинов Алексей Станиславович* — доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли, Москва, Россия (e-mail: ispolinov@inbox.ru).

Бина Ченя[1], в которой впервые была предложена концепция мгновенного международного обычая[2] (англ.: *instant international custom*). Эта работа Б. Ченя (успевшего к тому времени получить известность и признание в качестве автора не потерявшей до нашего времени свою актуальность монографии о общих принципах права[3]) вызвала настолько широкий резонанс, что споры в отношении разработанной им концепции продолжаются до сих пор. По сути, ни одно современное исследование природы международного обычая не обходится без хотя бы краткого упоминания этой концепции. Дискуссии о её применении или по крайней мере ссылки на неё можно найти в различных отраслевых исследованиях, в первую очередь в международном космическом праве[4], праве защиты окружающей среды[5], инвестиционном праве[6], а также в работах, посвящённых вопросам применения силы[7]. При этом, как это нередко бывает в доктрине, работа Б. Ченя обросла разного рода мифами, вызванными в первую очередь неверным восприятием сформулированных в ней тезисов. Как отметил один из современных авторов, «часто цитируемую и редко читаемую статью Б. Ченя зачастую неверно понимали и так же неправильно цитировали»[8]. Сам же Б. Чень с заметным сожалением отметил, что предложенная им концепция мгновенного обычая была неправильно истолкована и мало кто обращал внимание на наличие вопросительного знака в названии его статьи[9]. Столь масштабное искажённое понимание концепции мгновенного обычая можно объяснить тем, что статья была опубликована в малоизвестном журнале в то время, когда таких явлений, как Интернет или даже ксерокопирование, не существовало. Недоступность оригинальной версии этой статьи (только в 1997 году она была перепечатана в монографии Б. Ченя, посвящённой космическому праву) привела к тому, что представление о её содержании, как и об основных тезисах концепции мгновенного обычая, во многом формировалось на основе изложения ключевых положений другими авторами; это повлекло за собой отступление от оригинала, закрепившееся в более поздних и уже гораздо более доступных публикациях. Помимо этого, как отмечают исследователи, парадокс вышедшей 60 лет назад статьи Б. Ченя заключается в том, что, с одной стороны, широко признаётся вклад её автора в развитие доктрины международного права в части

---

[1] См.: *Cheng B.* United Nations Resolutions on Outer Space: "Instant" International Customary Law? // Indian Journal of International Law. Vol. 5. 1965. P. 23–48. Статья была перепечатана под тем же названием в 1997 году в монографии Б. Ченя: *Cheng B.* United Nations Resolutions on Outer Space: "Instant" International Customary Law? // *Cheng B.* Studies in International Space Law. Oxford : Clarendon Press, 1997. P. 126–149. Далее все ссылки на статью Б. Ченя приводятся в соответствии с теми страницами, на которых она опубликована в указанной монографии.

[2] В русскоязычной научной литературе термин «instant custom» переводится как «мгновенный обычай» или «моментальный обычай». Оба варианта используются как взаимозаменяемые.

[3] См.: *Cheng B.* General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. London : Stevens & Sons Limited, 1953.

[4] См.: *Tronchetti F.* Customary International Law and Space Law // Elgar Concise Encyclopedia of Space Law / ed. by M. Hofmann, P. J. Blount. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2025. P. 48–53.

[5] См.: *Cameron J.*, *Abouchar J.* The Precautionary Principle: A Fundamental Principle of Law and Policy for the Protection of the Global Environment // Boston College International & Comparative Law Review. Vol. 14. 1991. No. 1. P. 1–27, 20.

[6] См.: *Sornarajah M.* The International Law on Foreign Investment. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 82.

[7] См.: *Langille B.* It's "Instant Custom": How the Bush Doctrine Became Law After the Terrorist Attacks of September 11, 2001 // Boston College International & Comparative Law Review. Vol. 26. 2003. No. 1. P. 145–156.

[8] *Mejía-Lemos D. G.* Some Considerations Regarding "'Instant' International Customary Law", Fifty Years Later // Indian Journal of International Law. Vol. 55. 2015. No. 1. P. 85–108, 93.

[9] См.: Ibid.

прояснения условий идентификации международного обычая (включая роль резолюций международных организаций в этом процессе)[10]. С другой стороны, накал вызванных статьёй дискуссий вынудил Комиссию международного права (*далее* — КМП) в 2018 году однозначно и резко заявить в своих пояснениях, что «такого явления, как “моментальный обычай”, не существует»[11].

2. Специфика международного обычая

Международный обычай всегда представлял собой проблематичный источник международного права[12]. В современной научной литературе отмечается, что формирование международного обычного права в последнее время стало предметом многочисленных размышлений и дебатов среди учёных-международников с целью разработки последовательной теории обычая и прояснения составляющих обычай элементов[13]. Классическое понимание обычая традиционно связывалось со статьёй 38(1)(b) Статута Международного Суда ООН (*далее* — МС ООН), согласно которой Суд применяет «международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы». Эта известная формула Статута МС ООН ныне повсеместно воспринимается в качестве квазиофициального определения обычая как одного из источников международного права, которое «почти ритуально повторяется и широко распространяется учёными, преподавателями, практикующими юристами и международными судами и трибуналами»[14], представляя собой своего рода «мастер-ключ» для идентификации обычая[15]. Традиционный подход к формированию международного обычая подразумевает, что процесс создания обычной нормы международного права состоит из двух элементов, а именно постепенно складывающейся устойчивой практики государств в отношении определённого правила поведения (объективный элемент обычая) и признания нормативного характера этой практики, то есть её обязательности для государств, иными словами, *opinio juris* (субъективный элемент обычая). Того же подхода придерживается МС ООН, который в своих решениях отмечал, что для идентификации нормы международного обычного права «должны быть выполнены два условия. Соответствующие действия должны не только представлять собой устоявшуюся практику, но и быть такими, или быть осуществлёнными таким образом, чтобы свидетельствовать об убеждённости [государств] в том, что эта практика становится обязательной в силу существования нормы права, требующей её выполнения. Необходимость такой убеждённости, то есть существование субъективного элемента, подразумевается в самом понятии *opinio juris sive necessitatis*. Поэтому заинтересованные государства должны осознавать, что их действия соответствуют тому, чего требует правовое обязательство»[16]. В решении

---

[10] См.: *Mejía-Lemos D.G.* Op. cit. P. 108.

[11] Доклад Комиссии международного права. Док. ООН A/73/10. 2018. С. 154. URL: https://docs.un.org/ru/A/73/10 (дата обращения: 08.03.2026).

[12] См.: *Roberts A.* Who Killed Article 38(1)(B)? A Reply to Bradley and Gulati // Duke Journal of Comparative & International Law. Vol. 21. 2010. No. 1. P. 173–190, 190.

[13] См.: *Chimni B.S.* Customary International Law: A Third World Perspective // American Journal of International Law. Vol. 112. 2018. No. 1. P. 1–46, 3.

[14] *Haggenmacher P.* An Archaeological Look at “International Custom as Evidence of a General Practice Accepted as Law” and Article 38 of the World Court’s Statute // Leiden Journal of International Law. Vol. 34. 2021. No. 4. P. 801–827, 801–802.

[15] Ibid. P. 804.

[16] International Court of Justice (*далее* — ICJ). *North Sea Continental Shelf* (Federal Republic of Germany/Netherlands). Judgment of 20 February 1969 // I.C.J. Reports. 1969. P. 44. § 77.

1986 года по делу *Никарагуа против США* МС ООН дополнительно подчеркнул: «Суд должен убедиться в том, что существование нормы в *opinio juris* государств подтверждается практикой»[17]. Следовательно, одной убеждённости государств в существовании нормы обычного права недостаточно, если их *opinio juris* не подтверждается фактической практикой этих государств.

В свою очередь, такой двухэлементный подход к формированию и идентификации международного обычая был подтверждён в 2018 году КПМ, которая указала в «Выводах о выявлении международного обычного права», что «для определения существования и содержания нормы международного обычного права необходимо удостовериться, существует ли всеобщая практика, признанная в качестве правовой нормы (opinio juris)» (вывод 2)[18].

3. Фактор длительности практики

Одна из многочисленных проблем международного обычного права, вызывающих постоянные разногласия в академическом сообществе, связана с периодом времени, необходимым для установления или изменения международного обычая[19]. В отношении периода времени, в течение которого может складываться практика, достаточно долго существовал консенсус, что данный отрезок времени должен быть существенным и занимать десятилетия, если не больше. Как отмечается в литературе относительно средневековых дискуссий на тему обычаев в национальном праве, «некоторые юристы первоначально считали, что требование о продолжительности практики означает “с незапамятных времён”», в то время как другие «выступали за следование нормам канонического права, предусматривающим срок в сорок лет»; однако «вскоре научный консенсус сформировался вокруг десяти лет, “при условии, что в течение этого периода происходили единообразные и частые действия”»[20]. В более позднее время английское общее право требовало, «чтобы обычай был “с незапамятных времён” [англ.: *immemorial*]»[21]. В свою очередь, «во французской судебной практике для формирования международного обычая, как правило, требовалось по крайней мере сорок лет, в то время как немецкие суды исходили из тридцатилетнего периода»[22]. Верховный суд США в решении 1900 года по делу *The Paquete Habana* исследовал практику государств, охватывавшую практически пять веков, начиная с договора между Францией и Англией 1403 года, для того чтобы прийти к выводу о существовании обычной нормы, применимой к данному спору[23]. КМП в самом начале своей деятельности также исходила

---

[17] ICJ. *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua* v. *United States of America)*. Merits, Judgment of 27 June 1986 // I.C.J. Reports. 1986. P. 98. § 184.

[18] Доклад Комиссии международного права. Док. ООН A/71/10. С. 98. URL: https://docs.un.org/ru/A/71/10 (дата обращения: 08.03.2026).

[19] См.: *Guzman A. T.* Saving Customary International Law // Michigan Journal of International Law. Vol. 27. 2005. No. 1. P. 115–176.

[20] *Kadens E., Young E. A.* How Customary is Customary International Law? // William & Mary Law Review. Vol. 54. 2013. No. 3. P. 885–920, 890.

[21] *Lepard B. D.* Customary International Law as a Dynamic Process // Custom's Future: International Law in a Changing World / ed. by C. A. Bradley. New York : Cambridge University Press, 2016. P. 62–94, 65.

[22] *Scharf M. P.* Accelerated Formation of Customary International Law // ILSA Journal of International & Comparative Law. Vol. 20. 2014. No. 2. P. 305–342, 306.

[23] См.: U.S. Supreme Court. *The Paquete Habana*, 175 U.S. 677 (1900); *Stucky S. W. The Paquete Habana*: A Case History in the Development of International Law // University of Baltimore Law Review. Vol. 15. 1985. No. 1. P. 1–53, 30.

из представления о «значительном периоде времени»[24] для формирования обычной нормы международного права. В том случае, если международный обычай уже укоренился, должно пройти достаточно длительное время противоречащей ему практики государств, чтобы его изменить или отменить, то есть порог единообразия, последовательности и объёма новой практики государств должен быть в этом случае более высоким, чем при создании новой нормы в ещё нерегулируемой сфере международных отношений[25].

Характерное для представителей западной доктрины международного права широкое использование метафор, которые воспринимаются как устоявшаяся часть аргументации (аргументы в миниатюре) при анализе той или иной проблемы[26], находит яркое выражение в попытках либо описать важность элемента времени при создании обычая, либо, наоборот, подчеркнуть относительность этого фактора. В первом случае обычай сравнивается с хорошим кофе, который нужно не торопясь сварить, в то время как во втором обычай как раз противопоставляется хорошему вину, так как для формирования обычая не обязательно требуется длительный промежуток времени. Некоторые авторы для нивелирования фактора времени используют термин «Nescafé-обычай», то есть готовую к формированию норму обычного права[27]. По-своему монументально и при этом очень доходчиво выглядит сравнение классического международного обычного права с гигантским океанским лайнером, которому «требуется много времени для того, чтобы набрать крейсерскую скорость, и, как он берёт определённый курс, нужны не менее значительные усилия, чтобы изменить его»[28].

Каноническое понимание исторически неторопливого развития международного обычного права сделало его уязвимым для упрёков в том, что оно «развивается слишком медленно, чтобы идти в ногу с меняющимися отношениями государств, которые оно стремится регулировать»[29]. В силу того, что в основе обычая лежит устоявшаяся практика, обычаи по определению рассматривались «обращёнными в прошлое и консервативными», так как «они отражали поведение международного сообщества на протяжении длительного периода времени»[30]. Однако с начала XX века стало ясно, что международное обычное право может развиваться быстрее, чем прежде, и вскоре было отмечено, что «требование, чтобы практика обязательно была “с незапамятных времён”, не имеет оснований в позитивном международном праве»[31]. МС ООН подтвердил это в 1969 году в решении по делу о континентальном шельфе Северного моря, когда установил, что «прошествие лишь короткого промежутка времени необязательно является и само

[24] Article 24 of the Statute of the International Law Commission. Working Paper by Manley O. Hudson, Special Rapporteur. Ways and Means of Making the Evidence of Customary International Law More Readily Available. UN Doc. A/CN.4/16 and Add.1. 3 March 1950. P. 26. § 11. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_16.pdf (дата обращения: 08.03.2026).

[25] См.: *Bederman D.J.* Acquiescence, Objections and the Death of Customary International Law // Duke Journal of Comparative & International Law. Vol. 21. 2010. No. 1. P. 31–45, 38.

[26] См.: *Cohen H.G.* Metaphors of International Law // International Law's Invisible Frames: Social Cognition and Knowledge Production in International Legal Processes / ed. by A. Bianchi, M. Hirsch. Oxford : Oxford University Press, 2021. P. 219–236, 220.

[27] См.: *Sender O.*, *Wood M.* Between “Time Immemorial” and “Instant Custom”: The Time Element in Customary International Law // Grotiana. Vol. 42. 2021. No. 2. P. 229–251, 230; *de Visscher C.* Reflections on the Present Prospects of International Adjudication // American Journal of International Law. Vol. 50. 1956. No. 3. P. 467–474.

[28] *Lepard B.D.* Op. cit. P. 62.

[29] *Sender O.*, *Wood M.* Op. cit. P 232.

[30] *Kadens E.*, *Young E.A.* Op. cit. P. 909.

[31] *Sender O.*, *Wood M.* Op. cit. P. 233.

по себе не может являться препятствием для формирования новой нормы международного обычного права»[32]. Примерно пять лет спустя в деле о юрисдикции над рыбными промыслами МС ООН вновь признал период около двенадцати лет (от Второй конференции Организации Объединённых Наций по морскому праву в 1960 году до обращения в Суд Великобритании в 1972 году) достаточным для формирования норм международного обычного права, касающихся зоны рыболовства[33]. Именно в условиях такого постепенного отхода от традиционного представления о длительности практики появилась статья Б. Ченя.

4. Статья Б. Ченя: основные тезисы

Для того чтобы адекватно понимать ход мыслей Б. Ченя, изложенных в его статье, следует напомнить контекст, в котором она была написана. С запуском в 1957 году СССР первого искусственного спутника Земли (буквально через год свой спутник запустили США) международное сообщество оказалось в по-своему уникальной ситуации. Её новизна состояла в том, что эти два государства начали вести в космосе деятельность, которой раньше просто не существовало в силу отсутствия для этого технических возможностей и которая прежде никак не регулировалась в силу отсутствия как договорных норм, так и какой-либо практики, необходимой для формирования обычных норм. Первыми международными документами, регулирующими деятельность государств в космическом пространстве, стали две резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принятые уже в начале 1960-х годов[34]. Они не носили обязательного характера (как и все резолюции Генеральной Ассамблеи), то есть относились к документам мягкого права (англ.: *soft law*). Первый же международный договор, регламентирующий эти вопросы, появился только в 1967 году[35], в связи с чем в научном сообществе разгорелась дискуссия (основательно подзабытая сейчас[36]) о том, регулировалась ли в принципе деятельность США и СССР в это десятилетие и, если да, какими именно нормами международного права. Ещё в 1985 году советскими учёными В. Верещетиным и Г. Даниленко было высказано мнение, что в этот период деятельность США и СССР регулировалась быстро складывающимися нормами международного обычного права[37], в силу чего именно международные обычаи исторически являются первым источником международного космического права[38].

---

[32] ICJ. *North Sea Continental Shelf (Federal Republic of Germany/Netherlands)*. Judgment of 20 February 1969 // I.C.J. Reports. 1969. P. 43. § 74.

[33] См.: ICJ. *Fisheries Jurisdiction (United Kingdom* v. *Iceland)*. Merits, Judgment of 25 July 1974 // I.C.J. Reports. 1974. P. 23. § 52.

[34] См.: Резолюция 1721 (XVI) Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1961 года «Международное сотрудничество в использовании космического пространства в мирных целях». URL: https://www.unoosa.org/pdf/gares/ARES_16_1721R.pdf (дата обращения: 08.03.2026); Резолюция 1962 (XVIII) Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 1963 года, более известная как «Декларация правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства». URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-1962%28XVIII%29 (дата обращения: 08.03.2026).

[35] Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXV. М. : Госполитиздат, 1972. С. 41–45.

[36] См.: *Vereshchetin V. S.*, *Danilenko G. M.* Custom as a Source of International Law of Outer Space // Journal of Space Law. Vol. 13. 1985. No. 1. P. 22–35, 26.

[37] См.: Ibid.

[38] См.: Ibid. P. 25.

В таких условиях неопределённости в части правового регулирования космоса Б. Чень, к тому времени уже несколько лет преподававший международное воздушное и космическое право в Университетском колледже Лондона, предложил свой ответ на эти вопросы, пытаясь увидеть в двух вышеупомянутых резолюциях Генеральной Ассамблеи отражение норм международного обычного права исходя из собственного понимания процесса его формирования. Ниже приведены основные тезисы статьи Б. Ченя.

Во-первых, международное обычное право состоит из «только одного единственного конституирующего элемента, а именно *opinio juris* государств», а практика государств должна рассматриваться как свидетельство наличия и содержания соответствующей нормы, но не как её конституирующий элемент[39].

Во-вторых, исходя из того, что в международном праве его нормы создаются самими государствами, «новое правило международного обычного права» может возникнуть «мгновенно», поскольку «нет причин, по которым новое мнение государств не могло бы возникнуть за одну ночь»; содержание обычной нормы может быть изменено в любое время совместным принятием соответствующего *opinio juris* государств[40].

В-третьих, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (в первую очередь те из них, которые приняты единогласно), хотя и не имеют обязательной силы, могут служить доказательством существования и содержания такого *opinio juris*, при условии, что это намерение будет артикулировано ясно и недвусмысленно.

В-четвёртых, эти резолюции могут также показывать существование и содержание соответствующего международного обычая (англ.: *law-finding resolutions*), причём государства, голосующие в Генеральной Ассамблее за принятие такой резолюции, могут потерять право впоследствии отрицать её правовое значение (эстоппель).

В-пятых, детально проанализировав обстоятельства принятия двух указанных выше резолюций Генеральной Ассамблеи по космосу, а также сделанные при этом заявления государств, Б. Чень пришёл к заключению, что эти резолюции, несмотря на то что они были приняты единогласно, *не могут быть отнесены к резолюциям, показывающим существование и содержание норм международного обычного права*.

Своеобразный заочный ответ на высказанные Б. Ченем идеи всего через пару лет после публикации его статьи был предложен МС ООН в решении по делу о континентальном шельфе Северного моря. В этом решении Суд ещё раз подчеркнул необходимость наличия как общепринятой практики, так и *opinio juris*, что «должно было положить конец любым представлениям о “мгновенном обычае”»[41]. В западной доктрине концепция мгновенного обычая, предложенная Б. Ченем, встретила достаточно прохладный приём. П. Вейль в своей широко известной статье отмечал, что мгновенный обычай является «не просто ускорением процесса формирования обычая, а настоящей революцией в теории обычного права»[42]. По мнению А. Робертс, выведение современных обычаев исключительно из *opinio juris* может создавать утопические нормы, не способные регулировать реальность[43]. Как отмечал уже в самом конце XX века М. Мендельсон, «прошло уже более тридцати лет с тех пор, как он [Б. Чень — *А. И.*] сформули-

---

[39] *Cheng B.* United Nations Resolutions on Outer Space: “Instant” International Customary Law? P. 146.
[40] Ibid. P. 147.
[41] *Sender O.*, *Wood M.* Op. cit. P. 239.
[42] *Weil P.* Towards Relative Normativity in International Law? // American Journal of International Law. Vol. 77. 1983. No. 3. P. 413–442, 435.
[43] См.: *Roberts A.* Traditional and Modern Approaches to Customary International Law: A Reconciliation // American Journal of International Law. Vol. 95. 2001. No. 4. P. 757–791, 789.

ровал свою теорию единого (субъективного) элемента, но она практически не получила поддержки в практике государств или в прецедентном праве, и похоже, что очень немногие специалисты[44] по источникам международного права готовы следовать за ним»[45]. Хотя справедливости ради надо указать на единичный случай проявления этой идеи Б. Ченя в Заявлении Ассоциации международного права о принципах, применимых к формированию общего международного обычного права, принятом в Лондоне в 2000 году, где отмечалось: «Резолюции, принятые единогласно или почти единогласно и свидетельствующие о явном намерении их сторонников установить норму международного права, *способны, лишь в исключительных случаях, создавать общее обычное право самим фактом их принятия*» (курсив мой. — *А. И.*)[46]. Однако, как уже указывалось, в современной доктрине распространены концепции мгновенного обычая, приписываемые Б. Ченю, но основанные на неверном понимании его идей.

5. Мгновенный обычай как мгновенность практики

Наиболее распространённым вариантом неверного прочтения концепции мгновенного обычая, предложенной Б. Ченем, является представление о допустимости «мгновенной» практики, когда зачастую даже одного действия со стороны государств достаточно для формирования обычной нормы. При этом наиболее популярным и доходчивым примером практики такого рода считается как раз запуск СССР первого спутника в 1957 году. По мнению сторонников этой концепции, появление на орбите первого спутника изменило практически за считанные часы общепризнанное ранее правило суверенитета над воздушным пространством *usque ad caelum* (до самых небес)[47]. Со своей стороны, М. Шоу в многократно переиздававшемся учебнике по международному праву также пишет, что «принцип отсутствия суверенитета над космическим путём, по которому движутся искусственные спутники, возник вскоре после запуска первых “Спутников”. Бин Чень утверждал, что в таких обстоятельствах повторение вовсе не обязательно, при условии, что *opinio juris* может быть чётко установлено. Таким образом, “мгновенное” обычное право вполне возможно»[48].

Именно это представление о мгновенном обычае достаточно прочно укоренилось в отечественной доктрине международного права. Так, Г. И. Тункин ограничился лишь кратким замечанием, что «правило поведения в редких исключительных случаях может возникать в результате всего лишь одного прецедента»[49]. В свою очередь, А. Н. Вылегжанин и Р. А. Каламкарян в своей статье отмечали, что «для формирования международного обычая бывает достаточным единственный пример практики, сопровождающийся

---

[44] Среди современных публикаций, в которых активно поддерживается предложенная Б. Ченем концепция мгновенного обычая, можно упомянуть: *Lepard B. D.* Op. cit. P. 82–83; *Tasioulas J.* Custom, *Jus Cogens*, and Human Rights // Custom's Future: International Law in a Changing World / ed. by C. A. Bradley. New York : Cambridge University Press, 2016. P. 95–116.

[45] *Mendelson M. H.* The Formation of Customary International Law // The Hague Academy Collected Courses Online / Recueil des cours de l'Académie de La Haye en ligne. Vol. 272. 1998. P. 155–410, 372.

[46] Statement of Principles Applicable to the Formation of General Customary International Law, with commentary. Resolution 16/2000, adopted at the sixty-ninth Conference of the International Law Association on 29 July 2000. P. 61. Section 32.URL: https://www.ila-hq.org/en_GB/documents/conference-report-london-2000-2 (дата обращения: 08.03.2026).

[47] См.: *Jennings R. Y.* An International Lawyer Takes Stock // The International and Comparative Law Quarterly. Vol. 39. 1990. No. 3. P. 513–529, 520.

[48] *Shaw M. N.* International Law. 5th ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 74.

[49] *Тункин Г. И.* Теория международного права. 7-е изд. М. : Зерцало-М, 2025. С. 99.

его широким признанием в качестве международно-правовой нормы, — это имело место после запуска в космос первого спутника СССР в 1957 г.»[50].

Ю. С. Ромашев (на сегодня, безусловно, ведущий отечественный специалист по праву международных обычаев) в соавторстве с Н. В. Остроуховым пишет о том же, выбирая более мягкие формулировки: «...существует точка зрения, что современный обычай может возникать из практики, сложившейся в короткий период времени, даже в результате одного факта». Авторы приводят в пример норму о свободе исследования космоса, которая, как они отмечают, «возникла с момента запуска первого искусственного спутника Земли, и в этой связи была выдвинута концепция "моментального обычая"»[51]. Возможно, подобная аккуратность формулировок вызвана редким для отечественных исследователей признанием (сделанным Ю. С. Ромашевым в другой статье) о наличии в доктрине международного права «одноэлементного подхода» к формированию обычая, с прямой ссылкой на Б. Ченя[52].

Особый интерес представляет позиция И. И. Лукашука, который с 1995 по 2002 год был членом Комиссии международного права ООН. В опубликованной в 1994 году статье он утверждал, что «при резких переменах и возникновении новых проблем, требующих неотлагательного решения, обычная норма может складываться без предшествующей практики»[53](подойдя тем самым максимально близко к высказанному Б. Ченем мнению о том, что для формирования обычая достаточно только *opinio juris*). Однако позднее в учебнике по международному праву И. И. Лукашук уже отмечает: «При резких переменах и появлении новых проблем, требующих неотложного решения, обычная норма может складываться *в результате единственного прецедента*. Запуск Советским Союзом первого искусственного спутника и молчание государств означали появление обычной нормы о праве безвредного пролета в космосе над территорией иностранных государств. Неслучайно идея моментального обычного права находит признание в доктрине международного права» (курсив мой. — *А. И.*)[54].

Этот подход к мгновенности практики как основы для мгновенного обычая встретил резкую критику. Уже в 1985 году В. Верещетин и Г. Даниленко вступили в заочную дискуссию с, как они предполагали, Б. Ченем (прямо ссылаясь на его статью 1965 года). Они выразили несогласие с идей мгновенного обычая: «Для консолидации и признания всеобщей, устойчивой и единообразной практики государств необходимо наличие *ряда* прецедентов. Очевидно, что обычай требует истечения как минимум определённого периода времени» (курсив мой. — *А. И.*)[55]. В том, что касается практики полётов в космос, по данным исследователей, в период с 1957 по 1967 год США и СССР совершили 26 пилотируемых и 57 беспилотных космических полётов в космос[56]. Именно эти совер-

---

[50] *Вылегжанин А. Н.*, *Каламкарян Р. А.* Значение международного обычая в современном международном праве // Московский журнал международного права. 2012. № 2. С. 5–29, 14.

[51] *Ромашев Ю. С.*, *Остроухов Н. В.* Практика как основа формирования международного обычая // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 186–199, 195–196.

[52] *Ромашев Ю. С.* Признание практики в качестве правовой нормы (opinio juris) при формировании международного обычая // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 124–148, 127.

[53] *Лукашук И. И.* Обычные нормы современного международного права // Московский журнал международного права. 1994. № 2. С. 22–40, 34.

[54] *Лукашук И. И.* Международное право. Общая часть : учеб. для студентов юрид. фак. и вузов. 3-е изд. М. : Волтерс Клувер, 2005. С. 106.

[55] *Vereshchetin V. S.*, *Danilenko G. M.* Op. cit. P. 25. Fn. 6.

[56] См.: *Scharf M. P.* Outer Space Law // *Scharf M. P.* Customary International Law in Times of Fundamental Change: Recognizing Grotian Moments. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. P. 123–138, 125–126.

шённые двумя государствами на протяжении десяти лет 83 полёта (а не один полёт спутника в 1957 году) без каких-то уведомлений в адрес государств, над территорией которых планировался полёт спутника, а также отказ государств заявлять за всё это время протесты по поводу полётов спутников над их территорией и требовать возмещения ущерба представляют собой не только практику, но и *opinio juris* государств в отношении складывавшихся новых неписанных норм международного космического права[57]. В своём комментарии к статье 38 Статута МС ООН А. Пелле и Д. Мюллер также относят определённую продолжительность практики к необходимым условиям для формирования обычая, отмечая при этом, что «*не существует такого понятия, как "мгновенный обычай"*» (курсив мой. — *А. И.*)[58]. Согласно преобладающему сегодня в доктрине мнению, несмотря на отсутствие критерия минимального срока, необходимого для того, чтобы практика сложилась, некоторое время для этого всё же должно пройти[59].

В свою очередь, КМП в своих комментариях к «Выводам о выявлении международного обычного права» также поняла концепцию мгновенного обычая через призму практики, а не *opinio juris*, как предлагал Б. Чень. Это ясно показывает ссылка КМП на приведённый выше вывод, сделанный МС ООН в решении по делу о континентальном шельфе Северного моря о том, что «прошествие лишь короткого промежутка времени необязательно является и само по себе не может являться препятствием для формирования новой нормы международного обычного права»[60]. Комментируя эти рассуждения Суда, КМП отметила, что «этот пассаж ясно указывает на необходимость истечения некоторого периода времени, для того чтобы могла сложиться всеобщая практика; *такого явления, как "моментальный обычай", не существует*» (курсив мой. — *А. И.*)[61].

6. Идеи Б. Ченя и развивающиеся страны

Идеи Б. Ченя о том, что *opinio juris* является основным и единственным элементом обычая и что наличие *opinio juris*, как и содержание обычной нормы, можно найти в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН (даже в одной такой резолюции), была встречена с большим энтузиазмом развивающимися странами и в определённой степени повлияла их отношение к международному обычному праву в целом. Получившие независимость в 1950–1970-е годы государства искали пути для переоценки и изменения ключевых концепций и положений международного права, которые они считали несправедливыми, колониальными по своей природе и принятыми без их участия. Основная причина для первоначальных сомнений государств Глобального Юга в международном обычном праве заключалась в том, что они были вынуждены подчиняться нормативной системе, в которой они не имели права голоса, то есть правилам, разработанным в колониальный период на основе практики «горстки западных государств в своих собственных интересах и без участия азиатско-африканских стран»[62]. По мнению стран Глобального Юга, международное обычное право являлось предвзятым в отношении сохранения статуса-кво, так как любые изменения в нём должны происходить путём постепенного

---

[57] См.: *Scharf M. P.* Outer Space Law. P. 128.

[58] *Pellet A., Müller D.* Article 38 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary / ed. by A. Zimmermann, C. J. Tams et al. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2019. P. 816–962, 908.

[59] См.: *Guzman A. T.* Op. cit. P. 157.

[60] ICJ. *North Sea Continental Shelf*. Judgment of 20 February 1969 // I.C.J. Reports. 1969. P. 43. § 74.

[61] Доклад Комиссии международного права. Док. ООН A/73/10. 2018. С. 154.

[62] *Mohamad R.* Some Reflections on the International Law Commission Topic "Identification of Customary International Law" // Chinese Journal of International Law. Vol. 15. 2016. No. 1. P. 41–46, 41.

изменения практики государств, то есть слишком медленно, чтобы адекватно реагировать на насущную потребность в реформе[63]. Это объясняло первоначальный скепсис государств Глобального Юга по отношению к международным обычаям и даже приводило к появлению радикальных предложений о распространении доктрины *tabula rasa* не только на международные договоры, но и на нормы международного обычного права (это означало, что, помимо международных договоров, заключённых бывшей метрополией, получившие независимость государства также не должны быть автоматически связаны существующими нормами международного обычного права[64]). Ключевым фактором для изменения отношения к международному обычаю стало получение в 1966 году странами Азии и Африки большинства в Генеральной Ассамблее ООН, что давало им, как они полагали, мощный инструмент для переформатирования международного права, несмотря на их относительно небольшой вес в международном сообществе[65]. Усилия стран Глобального Юга были сосредоточены, в частности, на повышении авторитета Генеральной Ассамблеи ООН, резолюции которой рассматривались ими как ключевой элемент в реформе международного обычного права[66]. Согласно этой логике, с момента создания ООН в 1945 году её органы, и особенно Генеральная Ассамблея, могут рассматриваться в качестве централизованного форума для выражения мнений государств о существовании или желательности конкретных правовых норм, а сами резолюции Генеральной Ассамблеи могут быть «кратчайшим путём» для подтверждения *opinio juris*, при этом текст резолюции может представлять собой фиксацию содержания обычной нормы. Ускорение процесса реформирования международного права в нужном для этих стран направлении стало бы реальностью благодаря преобладанию *opinio juris* над практикой, а требование о последовательности и повторяемости практики государств стало бы второстепенным по отношению к сближению точек зрения государств в рамках резолюции Генеральной Ассамблеи ООН относительно существования данного правила[67].

Для Б. Ченя, написавшего свою статью до 1965 года, то есть незадолго до получения развивающимися странами большинства в Генеральной Ассамблее, такое развитие событий стало неприятным сюрпризом, так как он никогда не рассматривал себя в качестве выразителя интересов стран Глобального Юга. Уже в 1983 году в своей очередной публикации, где он по-прежнему отстаивал идею *opinio juris* как единственного компонента международного обычая, Б. Чень подверг критике саму идею о том, что международный обычай может быть сформирован только благодаря коллективному выражению *opinio juris* в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН. В этой статье Б. Чень для начала напомнил, что западные страны во главе с США, доминировавшие в Генеральной Ассамблее в 1940–1950-е годы, хотели представить Генеральную Ассамблею как некую форму мирового парламента или даже мирового правительства, предлагая многие вопросы решать посредством резолюций. Говоря о возможном законодательном эффекте резолюций Генеральной Ассамблеи, Б. Чень подчеркнул «наивность тех, кто продолжает верить, что две трети голосов в Генеральной Ассамблее сами по себе, благодаря своему огромному числу, могут создать норму международного права, имеющую обязательную

---

[63] См.: *Galindo G.R.B.*, *Yip C.* Customary International Law and the Third World: Do Not Step on the Grass // Chinese Journal of International Law. Vol. 16. 2017. No. 2. P. 251–270, 254.

[64] См.: *Janig P.* 1978 — The 1978 Vienna Convention, the Clean Slate Doctrine and the Decolonization of Sources // Austrian Review of International and European Law Online. Vol. 23. 2020. No. 1. P. 143–161, 145.

[65] См.: *Galindo G.R.B.*, *Yip C.* Op. cit. P. 255.

[66] См.: *Janig P.* Op. cit. P. 148.

[67] См.: *Galindo G.R.B.*, *Yip C.* Op. cit. P. 236.

для всех силу»[68]. Эта наивность, по мнению Б. Ченя, станет очевидной, если осознать, что теперь такое большинство можно достичь за счёт голосов государств, которые в совокупности представляют немногим более 10 % населения мира, 4 % мирового валового национального продукта и всего лишь 3,5 % совокупных взносов в бюджет ООН[69]. Даже если принять во внимание изменения этих параметров в результате произошедших в мире с 1983 года экономических и социальных перемен, логика этого аргумента сохраняет свою убедительность. Однако весь полемический задор этой статьи Б. Ченя был нивелирован спустя три года решением МС ООН по делу *Никарагуа против США*, где Суд впервые использовал (не указывая при этом авторство идеи) первоначальную конструкцию Б. Ченя о том, что резолюции Генеральной Ассамблеи могут рассматриваться как форма коллективного выражения *opinio juris*.

7. Международный Суд ООН и идеи Б. Ченя

Идеи Б. Ченя о том, что резолюции Генеральной Ассамблеи могут как представлять собой выражение *opinio juris* государств, так и показывать существование и содержание соответствующего международного обычая, оказались неожиданно привлекательными для МС ООН. Суд очень хотел преодолеть кризис, возникший после скандального решения 1966 года по делу о статусе Юго-Западной Африки[70], которое привело к фактическому бойкоту МС ООН со стороны недавно получивших независимость государств (они воспринимали МС ООН как якобы «предвзятый и колониалистский трибунал»)[71].

В решении по делу *Никарагуа против США* Суд в своих рассуждениях опирался на нормы международного обычного права о запрете применения силы и о праве государств на самооборону, наличие и содержание которых он вывел, основываясь в том числе и на резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН (уклонившись при этом от анализа соответствующей практики государств). Так, Суд заявил, что «*opinio juris* может быть выведено, хотя и с должной осторожностью, среди прочего, из отношения... государств к некоторым резолюциям Генеральной Ассамблеи, и, в частности, к принятой консенсусом Резолюции 2625 (XXV), озаглавленной “Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций”»[72]. Кроме того, по мнению Суда, «факт согласия [государств] с текстами таких резолюций... может пониматься как признание действительности провозглашённой в резолюции нормы или ряда норм»[73].

---

[68] *Cheng B.* Custom: The Future of General State Practice in a Divided World // The Structure and Process of International Law: Essays in Legal Philosophy, Doctrine and Theory / ed. by R. St. J. Macdonald, D. M. Johnston. Leiden : Brill | Nijhoff, 1983. P. 513–554, 520.

[69] См.: Ibid.

[70] См.: ICJ. *South West Africa (Ethiopia* v. *South Africa; Liberia* v. *South Africa)*. Judgment of 18 July 1966 (Second Phase) // I.C.J. Reports. 1966. P. 6.

[71] *Nucup N. B.* Infallible or Final?: Revisiting the Legitimacy of the International Court of Justice as the “Invisible” International Supreme Court // The Law & Practice of International Courts and Tribunals. Vol. 18. 2019. No. 2. P. 145–162, 149.

[72] ICJ. *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua* v. *United States of America)*. Merits, Judgment of 27 June 1986 // I.C.J. Reports. 1986. P. 99–100. § 188. Для целей установления *opinio juris* со стороны США Суд также принял во внимание согласие Соединёнными Штатами с принципом запрета применения силы, содержащимся в Заключительном акте Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанном 1 августа 1975 года в Хельсинки 35 государствами (включая СССР, США, страны Европы), см.: Ibid. P. 100. § 189.

[73] Ibid. P. 100. § 188.

В дальнейшем Суд подтвердил свою позицию, заявив в Консультативном заключении о правомерности угрозы ядерным оружием или его применения следующее: «Резолюции Генеральной Ассамблеи, даже если они не носят обязательного характера... при определённых обстоятельствах... могут служить доказательством, важным для установления факта наличия какой-либо нормы или формирования *opinio juris*. Для того чтобы установить, относится ли это к той или иной резолюции Генеральной Ассамблеи, необходимо учитывать её содержание и условия её принятия; также необходимо выяснить, существует ли *opinio juris* относительно её нормативного характера. Или же серия резолюций может свидетельствовать о постепенной эволюции *opinio juris*, необходимого для формирования новой нормы»[74].

В литературе сразу было отмечено, что в своём утверждении в решении по делу Никарагуа о том, что голосование за принятие той или иной резолюции само по себе может показывать как наличие практики государств, так и их *opinio juris*, МС ООН пошёл значительно дальше, чем представлялось допустимым юристам-международникам того времени[75]. Это решение МС ООН было названо, «возможно, самым противоречивым за всю историю Суда»[76] и вызвало резкую критику за подход Суда к выявлению практики государств и их *opinio juris*, а также за то, что оно разительно отличалось от (приведённых выше) выводов Суда по этим вопросам в решении 1967 года по делу о континентальном шельфе Северного моря (несмотря на утверждения Суда об обратном)[77]. Тем не менее сегодня это подход получает определённую поддержку в доктрине, где он напрямую и, как мы видим, ошибочно связывается с именем Б. Ченя. Так, Х. Тёрлуэй отмечает, что «согласно этой точке зрения, впервые выдвинутой в 1965 году (Чень, 1965), обычай можно вывести из заявлений в резолюциях Генеральной Ассамблеи, причём такие резолюции одновременно являются элементами практики государств и доказательством необходимого *opinio juris*»[78]. В свою очередь, А. Н. Вылегжанин и Р. А. Каламкарян также пишут: «Согласно мнению, высказанному ещё в 1965 г. [судя по всему, имеется в виду статья Б. Ченя 1965 года. — *А. И.*], международный обычай мог быть выявлен не только из практических действий государств, но и из положений резолюций Генеральной Ассамблеи, поскольку такие резолюции, дескать, отражают одновременно и доказательство общей практики государств, и *opinio juris*... Но свидетельством наличия практики государств (а не только наличия *opinio juris*) вполне могут быть и резолюции Генеральной Ассамблеи ООН»[79].

А. Пелле (бывший в 1984–1986 годах представителем Никарагуа в МС ООН при рассмотрении спора с США) указывает, что «в современном мире практика государств в основном представлена резолюциями международных организаций и общими дого-

---

[74] ICJ. *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons*. Advisory Opinion of 8 July 1996 // I.C.J. Reports. 1996. P. 254–255. § 70.

[75] См.: *Donaghue S.* Normative Habits, Genuine Beliefs and Evolving Law: Nicaragua and the Theory of Customary International Law // Australian Year Book of International Law. Vol. 16. 1995. P. 327–344, 339.

[76] Ibid. P. 327.

[77] Подход МС ООН к определению двух элементов международного обычного права в решении по делу Никарагуа был назван «весьма противоречивым и неортодоксальным», см.: *Fitzmaurice M.* Customary Law, General Principles, Unilateral Acts // Nicaragua Before the International Court of Justice: Impacts on International Law / ed. by E. Sobenes Obregon, B. Samson. Cham : Springer, 2018. P. 247–267, 251, 254.

[78] *Thirlway H.* The Sources of International Law // International Law / ed. by M. D. Evans. 4th ed. Oxford : Oxford University Press, 2014) P. 91–117, 99–100.

[79] *Вылегжанин А. Н., Каламкарян Р. А.* Указ. соч. С. 20.

ворами и, что ещё более важно, отношением государств к этим инструментам»[80]. Тем не менее нужно отметить, что такая оценка роли резолюций Генеральной Ассамблеи не всегда находит понимание. Критики указывают, что, хотя резолюции международных организаций, таких как Генеральная Ассамблея ООН, стали общепринятым доказательством в поддержку норм международного права, существует много споров об их полезности. Эти споры возникают потому, что резолюции, как правило, отражают сильно политизированные позиции представителей государств, оторванные от реальности международной жизни[81].

Попытка примирить эти взгляды была предпринята КМП в «Выводах о выявлении международного права» 2018 года. В своих комментариях к выводу 12 Комиссия заявила (продолжая свой заочный диалог с Б. Ченем), что «сам по себе факт принятия резолюции (или ряда резолюций) с целью заложить нормы обычного международного права не создает такого права: должно быть установлено, что норма, закрепленная в резолюции, действительно соответствует всеобщей практике, признанной в качестве правовой нормы (в сочетании с opinio juris). *Такие резолюции сами по себе не порождают "мгновенно возникающего обычая"*» (курсив мой. — *А. И.*)[82]. Кроме того, КМП отметила, что резолюции не могут «служить свидетельством нормы обычного международного права в том случае, если практика отсутствует, является иной или непоследовательной»[83].

Однако этот призыв со стороны КМП оказался неуслышанным МС ООН, который буквально через год в Консультативном заключении по вопросу о деколонизации архипелага Чагос снова применил свой подход к резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН[84]. В этом заключении Суд пришёл к выводу, что право на самоопределение кристаллизовалось в обычную норму международного права уже к 1960 году, став таким образом обязательным для всех государств, включая Великобританию, под управлением которой находился в это время архипелаг. Для обоснования данного вывода Суду хватило очень беглого анализа одной только Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1514 (XV) от 14 декабря 1960 года, посредством которой была принята широко известная «Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам»[85]. Суд отметил, что принятие этой резолюции, с одной стороны, «представляет собой ключевой момент в *консолидации практики государств по вопросам самоопределения*» (не приведя никаких обоснований для этого вывода), а с другой стороны, *является одновременно декларацией opinio juris государств в отношении обязательного характера этой нормы*[86]. Последний вывод был сделан на основе содержания Резолюции 1514 (XV) и условий её принятия (была принята 89 голосами при 9 воздержавшихся).

---

[80] *Pellet A., Müuller D.* Op. cit. Op. cit. P. 910–911.

[81] См.: *Charney J. I.* International Agreements and the Development of Customary International Law // Washington Law Review. Vol. 61. 1986. No. 3. P. 971–996, 993.

[82] Доклад Комиссии международного права. Док. ООН A/73/10. 2018. С. 166.

[83] Там же. С. 168.

[84] См.: ICJ. *Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965*. Advisory Opinion of 25 February 2019 // I.C.J. Reports. 2019.

[85] Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 08.03.2026).

[86] См.: ICJ. *Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965*. Advisory Opinion of 25 February 2019 // I.C.J. Reports. 2019. P. 132. § 150–152.

8. Идеи Б. Ченя и концепция современного международного обычного права

Отстаивая свою идею одноэлементного подхода к формированию международного обычая только в виде *opinio juris*, Б. Чень отмечал, что «международное право является горизонтальной правовой системой, в которой государства являются одновременно и законодателями, и субъектами правовой системы; *opinio juris* государств может возникать или изменяться мгновенно. Это демонстрирует, что так называемое международное обычное право, вместо того чтобы быть вялым и отсталым источником международного права, на самом деле является динамичным, живым и постоянно меняющимся»[87].

Эти очень смелые для своего времени мысли стали основой для появления в современной литературе концепции современного международного обычного права (англ.: *modern customary international law*), которое, по мнению её сторонников, разительно отличается от классического международного обычного права и даже противопоставляется ему. Отличие современного международного обычного права от классического в первую очередь состоит в том, что в современном обычае упор делается не на сложившуюся практику государств, а на их *opinio juris*, причём предположение о приоритете *opinio juris* над практикой при выявлении международного обычая некорректно приписывается Б. Ченю[88]. Как пишет А. Робертс, если традиционный международный обычай является эволюционным по своему характеру и выводится путём обобщения практики государств, то формулирование современного обычая является «дедукционным процессом, который начинается с общего провозглашения правила поведения... и в первую очередь опирается на заявления *opinio juris*, а не на практику», которая отходит на второй план в процессе идентификации обычных норм[89]. Сторонники этой концепции утверждают, что «формирование международного обычного права посредством практики государств и *opinio juris*, не являясь [в современных условиях] медленным и осторожным процессом, представляет собой динамичный и быстро развивающийся процесс, который теоретически может произойти практически за одну ночь»[90]. Как отмечает А. Робертс, «современные обычаи могут создаваться быстро, поскольку они выводятся из многосторонних договоров и резолюций, принятых на таких международных форумах, как Генеральная Ассамблея, которые могут констатировать существующие обычаи, кристаллизовать формирующиеся обычаи и порождать новые обычаи»[91]. В том, что касается традиционного требования наличия *устоявшейся* практики для формирования новой обычной нормы, сторонники этой концепции считают, что в случае некоторых норм международное сообщество «не может ждать в течение длительного времени, пока сформируется существенная и почти повсеместная государственная практика [по этому вопросу]»[92]. Ряд авторов даже полагает, что современный обычай лучше подходит для регулирования международных отношений, чем международный договор, особенно в тех областях, которые требуют быстрого реагирования, потому что он является более эффективным и прогрессивным (если не приоритетным) источником международного

---

[87] *Cheng B.* Custom: The Future of General State Practice in a Divided World. P. 532.
[88] См.: *Mejía-Lemos D. G.* Op. cit. P. 97.
[89] *Roberts A.* Traditional and Modern Approaches to Customary International Law: A Reconciliation. P. 758.
[90] *Baker R. B.* Customary International law in the 21st Century: Old Challenges and New Debates // The European Journal of International Law. Vol. 21. 2010. No. 1. P. 173–204, 181.
[91] *Roberts A.* Traditional and Modern Approaches to Customary International Law: A Reconciliation. P. 758.
[92] *Lepard B. D.* Op. cit. P. 73.

права[93]. М. Вуд, специальный докладчик КМП по вопросам идентификации норм международного обычного права (и убеждённый сторонник классического подхода к формированию обычая), с изрядной долей иронии отмечает, что «обычай как источник международного права, который когда-то критиковался как не отвечающий требованиям времени, парадоксально используется в качестве потенциального инструмента быстрого прогресса, что не в последнюю очередь объясняется способностью международного обычая связывать в принципе всех членов международного сообщества»[94].

Пожалуй, самая большая проблема этой концепции, ориентированной на превалирование *opinio juris*, заключается в том, что её сторонники рискуют рассматривать *lex ferenda* (желательное право) как *lex lata* (действующее право), будучи особенно склонными к тому, чтобы выдавать желаемое за действительное. «Без подтверждения наличия последовательной практики государств существует... вероятность того, что государства на самом деле не признают данную норму как норму права, которая должна быть или действительно является обязательной для них; она может быть лишь желаемой»[95].

9. Вместо заключения

У опубликованной в 1965 году статьи Б. Ченя оказалась хотя и сложная, но по-своему интересная и даже уникальная судьба. С одной стороны, несмотря на то что она была издана уже более 60 лет назад, она остаётся широко цитируемой и влиятельной работой, послужив триггером для идущих по сей день дискуссий о порядке формирования норм международного обычного права. Оригинальность высказанных в статье идей и вызванный ими резонанс показывает, что влияние доктрины на развитие международного права не сводится исключительно к публикациям «наиболее квалифицированных специалистов», как указывается в статье 38 Статута МС ООН. Это влияние может быть оказано практически любым автором, и вопрос упирается только в оригинальность высказанной идеи и в способы доведения этой идеи до государств, а также до международных и национальных судов, толкующих, применяющих и развивающих нормы международного права.

С другой стороны, публикация этой статьи в малоизвестном журнале привела к тому, что представление о её содержании, равно как об основных тезисах концепции мгновенного обычая во многом формировалось уже на основе изложения в статьях других авторов, что повлекло за собой искажение этой концепции и дальнейшее закрепление отхода от оригинала в более поздних и уже гораздо более доступных публикациях.

Как показано выше, наиболее часто встречающимся вариантом неверного прочтения концепции мгновенного обычая, предложенной Б. Ченем, является представление о допустимости «мгновенной» практики, когда достаточным для формирования обычной нормы может считаться очень короткий период времени или даже единичное действие государства (в этих случаях, как правило, приводится пример полёта советского спутника в 1957 году). Именно это представление о мгновенном обычае, которое, как правило, не сопровождается указанием на автора этой концепции, достаточно прочно укоренилось в отечественной доктрине международного права. Распространённость этой точки зрения в конечном счёте вынудила КМП прийти к изложенному в категорической

[93] См.: *Bederman D. J.* Op. cit. P. 43.
[94] *Sender O., Wood M.* Op. cit. P. 238.
[95] *Lepard B. D.* Op. cit. P. 80.

форме (что, в общем-то, не свойственно для документов Комиссии) выводу: *такого явления, как «моментальный обычай», не существует.*

Неожиданным для самого Б. Ченя оказался энтузиазм, с которым странами Азии и Африки была воспринята его идея о том, что резолюции Генеральной Ассамблеи ООН могут рассматриваться в качестве формы централизованного выражения *opinio juris* государств. После получения в 1966 году странами Азии и Африки большинства в Генеральной Ассамблее ООН их усилия были сосредоточены, в частности, на повышении авторитета Генеральной Ассамблеи, резолюции которой рассматривались ими как ключевой элемент в реформе международного обычного права. Согласно этой логике, ускорение процесса реформы международного права в нужном для этих стран направлении стало бы реальностью благодаря преобладанию *opinio juris* над практикой, а сами резолюции Генеральной Ассамблеи могли бы стать «кратчайшим путём» для подтверждения *opinio juris*. Несмотря на возражения Б. Ченя, который выступил против такого толкования его концепции, эти идеи до сих пор пользуются популярностью среди государств Глобального Юга и их юристов-международников.

Идеи Б. Ченя о том, что резолюции Генеральной Ассамблеи могут как представлять собой выражение *opinio juris* государств, так и показывать существование и содержание соответствующего международного обычая, оказались неожиданно привлекательными для МС ООН. В решении по делу *Никарагуа против США* Суд де-факто отошёл от своего же двухэлементного подхода к выявлению международного обычая, обосновав свой вывод о содержании норм международного обычного права ссылкой в том числе на резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, но при этом проигнорировав вопрос об актуальной практике государств. Попытка примирить конфликтующие позиции по этому поводу была предпринята КМП в «Выводах о выявлении международного обычного права» 2018 года, где в комментариях к выводу 12 Комиссия отметила (продолжая спустя десятилетия свой заочный диалог с Б. Ченем), что «такие резолюции сами по себе не порождают “мгновенно возникающего обычая”». Однако во многом благодаря идеям Б. Ченя в современной доктрине сложилось понимание, что «резолюции Генеральной Ассамблеи могут кодифицировать и разъяснять существующие нормы или стимулировать будущее развитие международного обычного права точно так же, как это может делать международный договор»[96].

Идеи Б. Ченя стали основой для появления целого направления в исследованиях природы международного обычая, которое получило название современного международного обычного права. Пересматривая роль практики государств в формировании обычных норм, сторонники этого направления утверждают, что современные обычаи могут создаваться гораздо быстрее, чем ранее, поскольку они идентифицируются на основе либо участия большинства государств в универсальных международных договорах, либо принятия большинством государств резолюций международных организаций (в первую очередь резолюций Генеральной Ассамблеи), при этом вопросы достаточности и распространённости практики государств отходят на второй план. К сожалению, эта концепция также основана на неверном толковании тезисов Б. Ченя, а именно на прямом приписывании ему мнения, согласно которому существует очевидное превосходство *opinio juris* над практикой.

Тем не менее, несмотря на случаи неверного или искажённого понимания основных тезисов, предложенных Б. Ченем в статье 1965 года, никто не оспаривает его авторство

[96] *Scharf M. P.* Accelerated Formation of Customary International Law. P. 326.

самого термина «мгновенный обычай», который оброс уже своей мифологией, а также ту роль, которую сыграла концепция мгновенного обычая (как в её чистом виде, так и в не вполне корректных интерпретациях) в дискуссиях о путях формирования норм международного обычного права. Уже одно это достижение обеспечивает Б. Ченю место в пантеоне выдающихся юристов-международников.

Библиографическое описание:

Исполинов А. Мифы мгновенного международного обычая (*instant custom*) // Международное правосудие. 2026. Т. 16. № 1 (57). С. 44–63. EDN OYAAFM.

Myths of instant international custom

Alexey Ispolinov

Doctor of Sciences in Law, Professor, Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russia (e-mail: ispolinov@inbox.ru).

Abstract

In an article published in 1965, the British lawyer B. Cheng proposed the concept of *instant custom*, which was based on the assumption that *opinio juris* constitutes the only and sufficient element for identifying international customary law. The article argued that such *opinio juris* could be established by the adoption of literally a single resolution of the UN General Assembly, while the existence of relevant state practice would play only an auxiliary role in confirming *opinio juris*. Despite the passage of time since its publication, the article's main theses remain both relevant and controversial. On the one hand, it continues to be widely cited and influential, serving as a catalyst for ongoing discussions on the formation of international customary law. On the other hand, because the article was published in a little-known journal at the time, the subsequent understanding of the concept of *instant custom* was largely shaped indirectly by the academic community and practitioners, through the retelling of its main ideas by other authors. This almost inevitably led to distortions of Cheng's original theses and their reinterpretation according to the views and preferences of other scholars. The most common misconception of Cheng's idea of *instant custom* is the notion that a very short period of practice — or even a single act by states — would suffice to establish a customary norm. The prevalence of this view ultimately led the International Law Commission to the categorical conclusion that such a phenomenon as an "instant custom" does not exist. Nevertheless, Cheng's idea that General Assembly resolutions can both express the *opinio juris* of states and indicate the existence and content of relevant international customary law appeared unexpectedly appealing for the International Court of Justice, which, in the Nicaragua case, recognized that the existence and content of international customary law can, among other sources, be inferred from General Assembly resolutions. An attempt to reconcile the conflicting positions on this issue was made by the International Law Commission in its 2018 *Conclusions on the Identification of International Customary Law Norms*, where the Commission noted that such resolutions do not, by themselves, create an "immediately arising custom."

Keywords

instant custom; Bin Cheng; International Law Commission; International Court of Justice; *opinio juris*.

Citation

Ispolinov A. (2026) Mify mgnovennogo mezhdunarodnogo obychaya (*instant custom*) [Myths of instant international custom]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, vol. 16, no. 1, pp. 44–63. (In Russian).

References

Bederman D. J. (2010) Acquiescence, Objections and the Death of Customary International Law. *Duke Journal of Comparative & International Law*, vol. 21, no. 1, pp. 31–45.

Cameron J., Abouchar J. (1991) The Precautionary Principle: A Fundamental Principle of Law and Policy for the Protection of the Global Environment. *Boston College International & Comparative Law Review*, vol. 14, no. 1, pp. 1–27.

Charney J. I. (1986) International Agreements and the Development of Customary International Law. *Washington Law Review*, vol. 61, no. 3, pp. 971–996.

Cheng B. (1965) United Nations Resolutions on Outer Space: "Instant" International Customary Law? *Indian Journal of International Law*, vol. 5, pp. 23–48.

Cheng B. (1983) Custom: The Future of General State Practice in a Divided World. In: Macdonald R. St. J., Johnston D. M. (eds.) *The Structure and Process of International Law: Essays in Legal Philosophy, Doctrine and Theory*, Leiden: Brill | Nijhoff, pp. 513–554.

Cheng B. (1997) United Nations Resolutions on Outer Space: "Instant" International Customary Law? In: Cheng B. *Studies in International Space Law*, Oxford: Clarendon Press, pp. 126–149.

Chimni B. S. (2018) Customary International Law: A Third World Perspective. *American Journal of International Law*, vol. 112, no. 1, pp. 1–46.

Cohen H. G. (2021) Metaphors of International Law. In: Bianchi A., Hirsch M. (eds.) *International Law's Invisible Frames: Social Cognition and Knowledge Production in International Legal Processes*, Oxford: Oxford University Press, pp. 219–236.

Donaghue S. (1995) Normative Habits, Genuine Beliefs and Evolving Law: Nicaragua and the Theory of Customary International Law. *Australian Year Book of International Law*, vol. 16, pp. 327–344.

Fitzmaurice M. (2018) Customary Law, General Principles, Unilateral Acts. In: Sobenes Obregon E., Samson B. (eds.) *Nicaragua Before the International Court of Justice: Impacts on International Law*, Cham: Springer, pp. 247–267.

Galindo G. R. B., Yip C. (2017) Customary International Law and the Third World: Do Not Step on the Grass. *Chinese Journal of International Law*, vol. 16, no. 2, pp. 251–270.

Guzman A. T. (2005) Saving Customary International Law. *Michigan Journal of International Law*, vol. 27, no. 1, pp. 115–176.

Haggenmacher P. (2021) An Archaeological Look at "International Custom as Evidence of a General Practice Accepted as Law" and Article 38 of the World Court's Statute. *Leiden Journal of International Law*, vol. 34, no. 4, pp. 801–827.

Janig P. (2020) 1978 — The 1978 Vienna Convention, the Clean Slate Doctrine and the Decolonization of Sources. *Austrian Review of International and European Law Online*, vol. 23, no. 1, pp. 143–161.

Kadens E., Young E. A. (2013) How Customary is Customary International Law? *William & Mary Law Review*, vol. 54, no. 3, pp. 885–920.

Langille B. (2003) It's "Instant Custom": How the Bush Doctrine Became Law After the Terrorist Attacks of September 11, 2001. *Boston College International & Comparative Law Review*, vol. 26, no. 1, p. 145–156.

Lepard B. D. (2016) Customary International Law as a Dynamic Process. In: Bradley C. A. (ed.) *Custom's Future: International Law in a Changing World*, New York: Cambridge University Press, pp. 62–94.

Mejía-Lemos D. G. (2015) Some Considerations Regarding "'Instant' International Customary Law", Fifty Years Later. *Indian Journal of International Law*, vol. 55, pp. 85–108.

Mendelson M. H. (1998) The Formation of Customary International Law. *The Hague Academy Collected Courses Online / Recueil des cours de l'Académie de La Haye en ligne*, vol. 272, pp. 155–410.

Mohamad R. (2016) Some Reflections on the International Law Commission Topic "Identification of Customary International Law". *Chinese Journal of International Law*, vol. 15, no. 1, pp. 41–46.

Nucup N. B. (2019) Infallible or Final?: Revisiting the Legitimacy of the International Court of Justice as the "Invisible" International Supreme Court. *The Law & Practice of International Courts and Tribunals*, vol. 18, no. 2, pp. 145–162.

Roberts A. (2001) Traditional and Modern Approaches to Customary International Law: A Reconciliation. *American Journal of International Law*, vol. 95, no. 4, pp. 757–791.

Roberts A. (2010) Who Killed Article 38(1)(B)? A Reply to Bradley and Gulati. *Duke Journal of Comparative & International Law*, vol. 21, no. 1, pp. 173–190.

Romashev Yu. S. (2018) Priznanie praktiki v kachestve pravovoy normy (opinio juris) pri formirovanii mezhdunarodnogo obychaya [Acceptance of practice as legal norm (*opinio juris*) in the formation of international custom]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no. 2, pp. 124–148. (In Russian).

Romashev Yu. S., Ostroukhov N. V. (2017) Praktika kak osnova formirovaniya mezhdunarodnogo obychaya [Practice as a basis of forming international custom]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no. 2, pp. 186–199. (In Russian).

Scharf M. P. (2013) Outer Space Law. In: Scharf M. P. *Customary International Law in Times of Fundamental Change: Recognizing Grotian Moments*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 123–138.

Scharf M. P. (2014) Accelerated Formation of Customary International Law. *ILSA Journal of International & Comparative Law*, vol. 20, no. 2, pp. 305–342.

Sender O., Wood M. (2021) Between "Time Immemorial" and "Instant Custom": The Time Element in Customary International Law. *Grotiana*, vol. 42, no. 2, pp. 229–251.

Vereshchetin V. S., Danilenko G. M. (1985) Custom as a Source of International Law of Outer Space. *Journal of Space Law*, vol. 13, no. 1, pp. 22–35.

Vylegzhanin A. N., Kalamkaryan R. A. (2012) Znachenie mezhdunarodnogo obychaya v sovremennom mezhdunarodnom prave [The role of international custom in the contemporary international law]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 2, pp. 5–29. (In Russian).